

Ср. 40. 5-8
Ч-45 В.М.ЧЕРДИНЦЕВ

ОКТАБРЬ
В МОЕЙ
СУДЬБЕ

Op 46.3-6
В.М.ЧЕРДИНЦЕВ 4-45

ОКТАБРЬ
В МОЕЙ
СУДЬБЕ

А-199142
03
96

Op

ЧЕЛЯБИНСК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

Оренбургская областная
библиотека
им. Н. К. Крупской

65.9[2]321.89

Ч-45

**Литературная запись
заслуженного работника
культуры РСФСР В. Г. АЛЬТОВА**

Ч $\frac{0802010203-035}{M162(03)-87}$ 3-87

**© Южно-Уральское
книжное издательство, 1987.**

ГДЕ-ТО ГРЕМЕЛА
ВОЙНА...

ХЛЕБНЫЕ ЗОРИ

ПРОЧНА
СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

БЛИЗКИЕ СЕРДЦУ
ЗАБОТЫ

ЭНЕРГИЯ
УСКОРЕНИЯ

ЗЕМЛЯ
В НАСЛЕДСТВО

ГДЕ-ТО ГРЕМЕЛА ВОЙНА...

Родился и вырос я в крестьянской семье. И прадед, и дед мой, и отец были хлеборобами. Я продолжаю их дело, которое переняли и мои дети. Так из поколения в поколение, как эстафету жизни, передаем мы верность земле, колосющейся ниве.

Уже сорок пять лет работаю механизатором. Профессия эта очень трудная и почетная. Мы даем народу хлеб. А к нему в нашей стране самое святое, самое трепетное отношение. Вот почему я горжусь своей профессией. По многолетнему опыту знаю, как трудно дается хлеб, как высока его настоящая (не магазинная) цена. Мне близка и понятна та неразделимость жизни и хлеба, то обостренное беспокойство за него. Этим пронизаны стихи Григория Люшнина. Поэт пережил ужасы гитлеровского лагеря Бухенвальда. Его, умирающего от голода, спасли советские бойцы.

Там, в застенке, и родились эти
замечательные строки:

Крошка хлеба
на землю упала,
Меньше хлеба
на крошку стало.

Где-то в поле
неубранном нашем

Сколько зерен
лежит у пашен!

Вот собрать бы их вместе —
да в кучу,

Хлеб бы выпекли
белый, пахучий.

Мы б окрепли
и сильными стали,

Мы б тюремные стены
сломали,

Снова вышли бы в бой,
под бомбежку!

Да, жалеть надо
хлебную крошку!

Как верно сказано! Хлеб — наш
кормилец, наша сила, хлеб — все-
му голова!

Созвучны этим стихам и слова шофера из Ленинграда Василия Сергеевича Соловьева, который десять лет подряд приезжал в нашу область убирать с полей урожай:

«Я был среди тех, кто шел с первым хлебным обозом для голодающих ленинградцев. Двести пятьдесят подвод послали партизаны в осажденный город. Шли мы по оккупированной земле, огнем отбиваясь от фашистов. За горстку зерна мы платили своей кровью. Вот почему я каждому колоску готов в пояс поклониться...»

Многим вспоминается детство, как безмятежная, радостная пора. Мое было не из легких. Его опалила война. Она гремела где-то далеко, но доставала и до нашей Сакмары.

В 1941 году, когда на нашу страну напали фашисты, я закончил шестой класс. Мы, подростки воен-

ной поры, вдоволь хлебнули лиха в эти годы. В школе учиться стало намного труднее: ушли в армию учителя-мужчины, а их тогда было большинство, не хватало учебников, тетрадей, стало хуже с едой, топливом. Часто застывали чернила, то и дело приходилось их отогревать. Чернила отогреешь, руки замерзают. То в одну, то в другую семью приходили похоронки.

С ранних лет у нас, сельских мальчишек и девчонок, было много разных домашних обязанностей: задать корм скотине, убрать навоз, напоить и проводить в стадо корову, наколоть и принести дров, вынести золу, слезить в погреб за картошкой и много других поручений, причем не добровольных — хочу — делаю, хочу — нет, — а обязательных, за которые только ты в ответе.

Когда на фронт ушли старшие, таких забот стало намного больше.

И порой уставали так, что было и не до игр. После уроков на час-другой забегали на машинный двор МТС — у кого здесь работал отец, у кого брат. Там тоже механизаторов поубавилось, и нам хотелось хоть немного, хоть чем-то им помочь. Брат Мин радовался моему приходу, просил подавать нужные инструменты, учил различать гаечные ключи. Видно, он чувствовал, что меня тянет к машинам, и всегда старался пояснить, какую роль играет та или иная деталь, что она значит в сложном механизме трактора или комбайна.

Интерес к технике появился у меня давно, еще за несколько лет до войны, когда первый раз в жизни увидел трактор. Называли его иноземным именем «Джон Дир». Попыхивая дымком, тарахтя мотором, шел он по сельской улице, а мы, мальчишки, долго бежали следом, провожали его до самой око-

лицы и с завистью смотрели на парня, который спокойно и уверенно вел трактор. Захотелось самому стать хозяином такой машины. Никому не говорил об этой мечте. Знал, что сначала надо окончить школу.

Но жизнь рассудила иначе, и моим рукам стала послушна техника раньше, чем я рассчитывал.

Очень трудной была первая военная жатва. В наших местах не каждый сезон звенели налитые колосья пшеницы. Бывали годы, когда иссохшиеся хлебные былинки жались друг к другу, как будто хотели вырваться из плена у спекшейся, горячей земли. Но тот грозовой год выдался урожайным. Однако поля было некому убирать: опытные мастера ушли на фронт, а те, кто пришел им на смену, еще не успели познать все тонкости сложной техники. Комбайны часто ломались, стояли на загон-

ках. Зерно отвозили на лошадях и быках, нередко приходилось долго ждать, пока появится гужевой транспорт.

Уборка затянулась до самой осени, начались дожди, а потом и снег прихватил в поле. Холодный, промозглый ветер пронизывал нас сквозь, но комбайнеры водили свои машины по полям — домолачивали хлеб. А мы, мальчишки и девчонки, работали на току, возили зерно, делали все, что могли.

Чтобы помочь семье, школу пришлось оставить. Отец часто болел, братишки, Петр и Гаврюша, еще не подросли. Пошел в штурвальные к брату. Мин уже не первый сезон отработал на комбайне, был утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Но поехать в Москву помешала война.

— Вот победим, тогда и на Выставку можно будет съездить,—

говорил он,— а пока надо хлебушка побольше фронту давать. Может, с нашего поля и брату Федору коврига достанется.

Тогда все надеялись, что война скоро кончится, но надежды не сбывались. Газеты, которые приходили с большим опозданием, приносили нерадостные сообщения о жестоких боях.

Брат обучал меня строго, никаких родственных поблажек не давал, заставлял снова и снова делать самостоятельно все регулировки, проводить от начала до конца технический уход, самому находить и устранять поломки, учил чувствовать машину «по голосу».

Когда Мин первый раз доверил штурвал, я изо всех сил старался удержать его, чтобы хедер не врезался в пашню. От мысли, что сам, как взрослый, убираю хлеб, душа переполнялась радостью.

Зимой пошел учиться на курсы в МТС. Среди будущих механизаторов было только двое мальчишек — я да Колька Зуев. Остальные — женщины и совсем молоденькие девчушки, которые в трудную годину решили заменить отцов и братьев. К этому времени я уже отработал сезон, многое знал и умел и в этом отношении был вроде бы на голову выше других.

На следующую жатву вышел самостоятельно. Вывел в поле старенький СЗК — комбайн старшего брата, которого весной вместе с другими сакмарцами проводил на фронт. До сих пор помню его прощальные слова:

— Запомни, Васек, нашу хлеборобскую заповедь. Комбайн много людей и лошадей заменяет и не должен стоять ни одной минуты, когда погода позволяет работать. Если стал он по твоей вине, значит,

никудышний ты комбайнер, недоглядел чего-то, а от такого недогляда много хлеба можно недобрать. А что он сейчас значит, сам знаешь. Береги машину...

Очень понравилась мне эта немудрящая механизаторская заповедь. Всю жизнь ей следовал.

В письмах-треугольничках, которые приходили с фронта, брат спрашивал, готов ли к уборке комбайн, давал советы, наказывал дорожить хлебоборбским званием.

Перед началом косовицы, когда тракторы подогнали комбайны к загонкам, подошел я к пожилому механизатору Иванову.

— Хочу, Николай Дмитриевич, соревноваться с вами...

Сказал и смутился — а вдруг засмеет, куда, мол, малец, тебе со мной тягаться. Но Иванов положил мне руку на плечо и серьезно сказал:

— Что ж, давай, парень, посо-

2-199-149
ревнуем. Брата твоего Мина давно знаю. Комбайнер стоящий и солдат, наверно, теперь боевой. Вижу, что ты от Мина уму-разуму научился. Так что, вперед! Ну а какая подмога будет нужна — обращайся без всяких там стеснений. Помогу с дорогой душой.

Агрегат у нас получился молодежный. Работали со мной в тот сезон сакмарские девчата — Груша Сумкина, Люба Переплетчикова и Настя Сосновцева. С непривычки очень уставали девчонки. Пожалеть бы вроде надо, но как старший в агрегате, я и себя не берег, и к ним требовательно относился. Не раз, когда совсем не вмоготу становилось, до слез доходило. Как мог, успокаивал «слабый пол», хотя порой и сам чуть не ревел от обиды, когда частые поломки то у трактора, то у комбайна сводили на нет все наши усилия.

С рассвета и дотемна не уходили

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66